

ПАТРИКЕЙ БОБУН-БОРОДА

ЗА Ш БИСЯ

ПОЭЗИЯ РУССКОГО ПРИАПИЗМА

Патрикей Бобун-Борода

**ЗАШИБИСЯ. Поэзия
русского приапизма**

«Издательские решения»

Бобун-Борода П.

ЗАШИБИСЯ. Поэзия русского приапизма / П. Бобун-Борода —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859028-3

Сборник «заветных» стихов нашумевшего в Сети поэта-приаписта. Преломляя жанры в спектре от лубочно-былинной до философской лирики, автор с неизменным талантом и выдумкой использует русский мат. Однако за маской гуляки-циника проступает теплота и искренность, нарочитая брутальность не может скрыть нежной авторской иронии. Витальная, подчас непристойная поэзия Патрикея Бобун-Бороды — смелая попытка разобраться в эмоциональной карте поколения. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-859028-3

© Бобун-Борода П.
© Издательские решения

Содержание

Заебися	6
Часть 1	7
Варнаки	7
Деревня. Вечер	10
Богатырская	13
Конец ознакомительного фрагмента.	18

ЗАшиБИСЯ

Поэзия русского приапизма

Патрикей Бобун-Борода

© Патрикей Бобун-Борода, 2019

ISBN 978-5-4485-9028-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Заебися

*Заебися пахнет пися,
Если пися – заебися!*

Заебися пахнут розы, маки, жимолость, сирень.
Заебися пахнет рыба, что на солнце третий день.
Заебися пахнет водка, особенно алкашу,
Заебися, если кто-то рядом курит анашу.

Заебись портянки пахнут, что не стираны давно,
Заебися так же пахнет человечесие говно.
Заебися пахнет ёлка – это, если Рождество.
Ну, а если на поминках – заебись и без того.

Если редьку, да на тёрке, да с лучком, да с чесноком,
Будет пахнуть за-е-бися, – как турецким табаком.
Заебися пахнет, если – прокатилась гроза,
«Нашатыркой» заебися, аж навypчку глаза.

Заебися пахнет мясо: на шампуре шашлычок,
И копчёнистое сало, и севрюжий балычок.
Заебися пахнет падаль, крепкий кофе с коньяком,
Заебися пахнет пьяным, грязным, потным мужиком.

Заебись у моря пахнет, нехуёво среди гор,
Заебися пахнет там, где есть обоссанный забор.
Заебися пахнут розы. Розы были? Всё равно,
Розы пахнут заебися! Даже лучше, чем говно!

Миллионы ароматов заебательских вокруг,
Только что всего приятней, можешь ли сказать,
мой друг?
Знаю, если ты мужчина, то для нюха твоего
Пряный запах женской писи заебися всего!

Ноябрь 1998 г.

Часть 1

ОТ БЫЛИННОГО САМЦА

Варнаки

Вышел на дорогу парень беззаботный,
С хуем по колено, с топором в руках.
Крепкий, волосатый, духовито-потный,
В шапке соболиной, в красных сапогах.

Парень не обычный – хитник и паскуда.
Имя Ванька Ёбарь. Карие глаза.
Кудри золотые, кулаки по пуду,
А за ним девица. Машка Егоза.

А у Машки косы русые струятся,
А у Машки титьки – словно два ведра,
А у Машки губы любят целоваться,
А меж ног у Машки – черная дыра.

Как-то раз купчина на большой дороге
В лапы угораздил этим варнакам.
Сняли всё до нитки, изломали ноги,
Лямкой обмотали, учинили срам.

Наперво Ванюша сапогом сафьянным
Сделал отпечаток у него на лбу,
А на той печати слогом окаянным
Матерная надпись: «Геев не ебу!»

Опосля же Машка (ну уж эта Машка!),
В юшку исхлестала плёткою-косой.
По спине, по жопе, по дебылым ляжкам, —
Ох, не зря прозвали Машку «Егозой»!

Далее – ужасней!.. Висельник полношный,
Раззадорясь дикой властью своей,
Захрапел как лошадь и ударом мощным
Сунул хрен корявый Машке меж лядвей.

Девка, дёрнув задом, взвыла, распаляясь,
И узрел купчина, рдея от стыда:
Яйца бьют по жопе. Титьки, колыхаясь,
Мечутся ритмично. Хлюпает манда.

Воры веселятся. Апогей разврата.
Пик прелюбодеяния. Порно «три креста».
Воздух раздирает скерцо дурномата.
Яйца бьют по жопе. Хлюпает манда.

...Связаны суставы, сломаны колени,
Полосы по телу – те, что от косы...
Только вдруг купчина чует в изумленье,
Что зашевелились у него трусы!

И дюжее боли вздыбилось желанье,
И превыше страха выступила плоть.
И взмолил купчина: «Эй вы, басурмане!
Хоть бы напоследок дали отколоть

Что-нибудь такое... С гиком да со свистом,
Дабы дым от хера взвился до небес!...»
«А чего, и верно!» – Ванька кончил быстро,
Засмолил сигарку и с Машутки слез.

«Ишь ты, дыма просит! Ну и непоседа!
Только знаешь, дыма нету без огня...
Погоди, а если сотворить... вот эдак,
Как тогда засвищешь, кенарь, у меня?» —

И к купецким ятрам сунул папироску!
Миг – и жар геенны дышит над мотнёй.
Сделалось страшно... Потянуло воском
Свечек поминальных. И другой хуйнёй.

Дикий взвизг купчины полоснул булатом,
К облаку стремглавым коршуном взлетел:
«Езуит! Опричник! Ирод! Прочь, не надо!» —
Гикнул, как мечталось, и тотчас сомлел.

...Он очнулся дома. На своей постели.
Рядом почивала тёплая жена.
Но ещё долгонько, более недели,
Был под впечатленьем тягостного сна.
Всё ему блазнилось: пахнет палениной,
Жжёными власами, жареным мясом.
Всё пред ним вставало жуткою картиной:
Папироса тлеет. Пепел – над концом...
Он кричал ночами. Гнал кого-то на хуй.
Отбивался буйно – сколько было сил.
Всё рыдал надрывно, грезил дыбой, плахой
Для воров дорожных...
А потом забыл.

Август 1999г. – Февраль 2002г

Деревня. Вечер

Деревня. Вечер. Час закатный.
Младой жуир, как тополь статный,
Плечистый, внешностью приятный,
Зрачком блудливый, речью – ладный,
идёт вприсядку.

На девок глянет – те краснеют,
На баб – те пламенно влажнеют
Кудрявой скрытницей своею,
Где наш лихач карт-бланш имеет
окутить грядку.

А у него гормонов лишка.
А у него кривая шишка.
А он зовёт её «малышка»,
Но если встанет, то под мышку!
(Калибр – с предплечье!)

А он весёлый и беспечный.
А у него фингал стосвечный.
А тех, кто сей фингал набили,
Ещё врачи не долечили.
(Страшны увечья.)

А он идёт и не споткнётся,
А он залиvisto смеётся,
И пусть до чёртиков упьётся,
В штаны ни в жисть не обосрётся
и не уссытся.

Он понимает по-французски,
По-англицки и по-зулусски,
По-гречески и по-индусски.
А как умеет он по-русски
материться!..

Его кулак – врагу могила,
В его словах – огонь и сила:
«Я выпил нынче литру «шила»,
Меня она благословила
на подвиг ратный.

И вы, кому я хуже грыжи,
Вострите, пидарасы, лыжи,
Да как с тонущей баржи мыши!

Не то в два счёта вам пропишем
пиздец бесплатный!

О, я сегодня просто бешен!
О, как елдою безутешен!
Ужели буду снова грешен,
К оргазму слабому поспешен,
дрочить в сарае?»

Но вот вдова с улыбкой мятной,
Чья репутация понятна,
Игривым пальчиком опрятным
Манит героя к снам занятым
в уютном рае.

И вот уж он терзает грубо
Её фаллопиевы трубы
И с иступлением инкуба
Кусает половые губы,
слегка зверея.

А вот позиция иная:
Он сзади. Дрыном потрясая,
Как пёс сучёнку покрывает;
Она ж от сладости рыдает,
моля: «Быстрее!»

Но полно. Их пока оставим.
За ширмою дубовых ставен,
И взгляд немедленно направим
Где некий муж, почти забавен, —
ан с ним бердана! —

Залёг. Его трясёт от страха,
И зуб стучит. Его рубаха
В поту с подмышек и до паха.
Он ждёт под выстрел вертопраха
среди бурьяна.

В стволе картечь и порох «сокол»,
Курок взведён. «О, как высоко,
Влетит заряд. В висок, в висок! О!» —
И снайпер языком зацокал,
прищурил глаз.

(Его ж мишень, пресыщен еблей,
Идёт, свища. Полыни стебли
Сечёт прутком... — ну, до судеб ли?)
Злодей, перстами спуск колебля,

решил: «Сейчас!»

Враз громыхнуло. Рой свинцовый
Летит. Стрелок вскочил, пунцовый,
И наутёк. И на засовы
Избу и двор. И у коровы
в навоз нырнул.

А наш герой, отбросив грёзу,
Воскликнул: «Глянь, поймал занозу!
Достану после, уж тверёзый...
Люблю я гром, он красит грозы, —
эк знатно пизданул!»

Июнь 1999г. — февраль 2002г

Богатырская

Нарисовавший «Богатырскую заставу» Васнецов
Не догадался сообщить народу, что же стало
с витязями дальше.

Но это ж крайне важно, знать все подвиги
могучих основателей-отцов.

И я имею наглость сей пробел заполнить,
постаравшись обойтись без фальши.

1

Вот Илья. Мужик! Могуч, степенен, бородат.
Взгляд – что два клинка звенящей доброй стали.
Озирается из-под руки; рука ж – лопата из лопат, —
Покрупнее тех, которыми стахановцы угли кидали!

На предплечье – трёхпудовая шипастая балда,
Что зовется исстари у нас то палицей, а то и булавою.
Или «Morning Star» на Западе, что значит
«Утренняя яркая звезда».

Сам же мается похмельем: постучал намедни
крепко ендовою.

Под доспехом у Ильи – саженных плеч развал,
Кость из чугуна и ноги, словно корни векового дуба;
Мощный зад, обширный торс, и шишка с коленвал,
И муде с семифунтовое ядро, и не меньше,
чем с кулак – залупа.

Рядом с ним, одёсную, Добрыня-богатырь, Никиты сын.
Самый тот, что Змея, балуясь, мечом наследным обезглавил.
Благороден, аристократичен – как-никак,
столбовый дворянин.

Но под маскою суровости изрядный похуист,
ветрогон и нарушитель многих правил.

У Добрыни меч – булатом, древностью достоин
множества похвал,

И броня, что дорогого стоит, вся в финифти,
злате, яхонтовых звёздах.

А Добрыня... он весьма активный мужеложец,
суть – бисексуал,

Что совсем не редкость в родовитых голубых
дворянских гнёздах.

Ошую Алёша, сын поповский, молодой да резкий,
словно кнут.

Тоже здоровяк. Он Идолищу снёс башку

посредством шапки, полной дробы.
Лук его таков, что четверо быков усрутся,
но, однако ж, не согнут.
Скользкий он, Попович, хитрожопый, ан кочевников
вполне исправно гробит.

Славен он и тем, что прытко портит девок,
споро кроет мужних баб,
Не гнушается ни скромницей, ни блядью, ни чернавкой,
ни княжною.
И сколь много палок бы подряд ни кинул,
всё он весел и достоинством не слаб,
И готов осеменить весь божий свет двужильною,
на волосок не сникшею елдою.

Нынче русская граница ратными трудами на замке,
Много вёрст вокруг не сыщешь ни хозар, ни половцев,
ни диких печенегов.
Кости их желтеют. Стёрло время след их на степном песке.
Поплатилися, поганые, за зор и за разбой
бессмысленных набегов.

Ну а наших непосед иной теперь азарт и манит и влечёт:
Укрытый где-то там, вдали, гарем Тимура,
престарелого хромого хана,
Ведь в Киеве не трахнуты пока лишь юродивые.
И тех, коль не солгать, наперёчет.
В гареме же томятся без любви три сотни пленников
и пленниц импотента-басурмана.

Там девушки резвы как серны и ярки как маков цвет.
Там опытные женщины медовы и сладки как мякоть дыни.
Там лилии, фонтаны, соловьи и фрукты, и шербет.
И юноши завиты и нежны – воистину подарок
для Добрыни...

2

– Но, чу! Что вижу я? Ужель вдали пылит скакун? О, да!
То скачет купленный тобой, Олёшка, ханский
приживалец! —
Воскликнул Муромец. – Сюда, продажный сын степей,
спеши сюда! —
И встал на стремянах, простерши вдаль кольчугую
облитый палец.

Степняк опасно приблизился. Гарцует жеребец.
Звенит узда.
Вьёт ветер шёлк одежд, гримаса алчности кривит
иссохшиеся губы.
– Эй, богатуры, покажу я вам гарем, но прежде... прежде —

мзда!

Семь дюжин золотых таньга. (Они мне даже более
чем гривны любви.)

– Возьми. – Добрыня швырнул наземь кошелёк. —
Неверный ханский раб.

Сквалыжник. Крыса. Ренегат. Ублюдочный холоп
тельца златого.

Бери же и веди, пока я сердцем мягок и мошонкой
в предвкушение ебли слаб.

Веди! Не то лишит мой меч тебя башки, а с ней и жития
бессмысленно-пустого...

Предатель подобрал кошель, сверкнул зрачком змеиным,
спрятал под халат.

Ударили из-под копыт сухие ковыли. Пролился с неба
клёкот ястребиный.

И кавалькада ёбарей уже всю спешит туда, куда ведет их
жадный ренегат,

И вздувшиеся чресла попирают юфть седла,
и русская хоругвь полощет над равниной.

3

Ворвались в сераль и спешили. Илья сказал:

«Ебать-гулять! Пиздец!»

Добрыня крикнул, а Попович восхитился: «Я, отцы, хуюю!
Сколько девок!»

Но их азарт порушил непристойный крик: «Аннанге ски!» —
То Насрулло, скопец,

Пересчитал таньга и счел их недостачу худшей из издевок.

– Вы, чёртовы гяуры, правоверного хотите обмануть?!

Здесь не хватает двух монет. И я так это дело не оставляю,
русские собаки!

Добрыня сморщился, ругнулся по латыни, и изладился
швырнуть

В поганого копё. Да передумав, без затей попотчевал
нагайкою вдоль сраки.

Как пулею снесло с ахалтекинца Насрулло. Упал
в сплетение жасминовых ветвей.

Заныл, пополз. Задрались срамно фалды яркого бухарского
халата,

Задергалась, маня Никитича, расщелина меж по-девичьи
гладких розовых лядвей.

Мгновение... и вот нетерпеливый витязь уж ебёт с задором
в жопу ренегата...

4

Веселье между тем в разгаре: где анальный однополый
секс, а где – минет;

С террас нудят придворные ашуги и бренчат струной
незвонкой кельмандары,
И разжигает похоть танец живота, и сыплются мониста,
и звенит браслет,
И с треском рвутся вдоль промежности шелковые
шальвары.

Илья, нагой и рьяный как медведь-шатун, подмял
грудастую степнячку под себя.
О, как должно быть, трансцендентно, обморочно-тяжко
той степнячке!
Она визжит, хохочет, плачет и поёт, с восторгом сладкое
насилие терпя.
И конусы объёмистых грудей трясутся
в эксталично-сумасшедшей скачке...

Вокруг Алеши одалисок звонкий рой. Они смеются.
Их остры сосцы.
Лобки курчавы и круглы, пупки бездонны, ягодички ж —
каучуково-упруги.
Тонки лодыжки их, запястья, талии... а бёдра!..
как их бёдра широки!..
Поповича холят они наперерыв, а тот хохочет:
«Ну, шарман, любезные подружки!»

Никитич, «опустив» мерзавца Насруллу, лягнул его
под зад:
— Лети, петух, ты, в общем, был неплох, хотя и
чересчур статичен.
А как тебя зовут, малыш? — Он выудил из-под куста
магнолий мальчугана за халат.
— Да ты красив! И тонок! Как ты свеж и юн, и в то же
время трогательно аутичен!..

Что ты дрожишь? Не бойся! О, дитя! Дитя... Энфант!
Сними скорей ненужные одежды.
Я, хоть быть может, и пугаю габаритом гениталий, но зато
большой эстет,
Философ... (Блядь, не лезет! Где тут вазелин? Ага.) Так вот,
философ и поэт,
И знаю десять языков, бывал в Тибете и, что важно, —
беспримерно, дивно нежен.

5

Что ж за кулисами сей феерии? Спит старик Тимур.
Дуплет нагих нубийцев дремлет, опахала позабыв,
Кричат павлины. Роятся в объедках крысы.
Трудно реют мухи.

Любимый ханский барс вылизывает хвост, нажавшись

потрошенных кур.
Раба уныло мажордому внемлет, взгляд тупой
в пространство устремив.
Везиры шепотом муссируют затёртые до дыр,
едва не прошлой эры слухи.

Но, чу! Поспешный топот. Это вероломный евнух
Насрулло,
неся подмышкою тюрбан,
Спешит. Во всё раскосое ебло – роскошнейший фингал,
и горлом – пена:
– Проснись, великий! – он кричит. – Проснись скорей,
великий Тамерлан!
Беда! Твой розовый цветник открыт, и пьют его нектар
три русских богатура-супермена!

Хромой Тимур в момент продрал шары. – Что ты несешь,
холуй? Да кто посмел
Дарить интимную любовь моим юнцам, наложницам
и жёнам?
Урусы! О, Аллах! – И бросился ордынский царь в гарем
с колчаном, полным стрел,
И верным луком, смертью крылатой, ядовитой
снаряжённым.

(Ужель близка кошмарная развязка?.. О нет, не бойтесь,
друзья!
Всё будет заебись! Всё будет ладно, и не возликуют
иноземцы злые.)
Тимур, увидев свальный грех, вдруг ощутил упругость
разом огрубевшего хуя,
Впервые за последних восемь лет. Впервые, ах, шайтан!
ВПЕРВЫЕ!

Уж лук забыт. Уж хан, пустив слюну, глядит на крепкий
орган свой,
Верхом на нем наездница, отметим, тощая азартная
плутовка.
И представляется Тимуру, как подобались уж муде,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.